Иония под персидским владычеством.

Автор: Доминик Ленфант (жен.) (профессор античной греческой истории Страсбургского университета).

Иония до Персидского завоевания.

Строго говоря, Иония – это регион в центральной части западного побережья Малой Азии. Он объединён культурой греческого народа, который поселился в этом районе, от Фокеи на севере до Милета на юге, а также на прилегающих островах Хиос и Самос. Первоначально города имели особые лингвистические и культурные особенности, которые отличали их от эолийских греков на севере и дорийских греков на юге вдоль побережья Эгейского моря. Хотя наиболее важные города принадлежали Ионийскому союзу (*koinon*) (Лефевр 2019), они не сформировали политического союза. Ионийские города сами по себе были автономными политическими единицами со своей собственной политикой. Милет – это хороший пример. Он основал много новых городов вокруг Чёрного моря и заключил союз с Алиаттом, царём Лидии (Геродот. 1.22). В некоторых отношениях, как и другие города Анатолии, они развивались так же, как греческие города в Европе, и в первой половине VI века каждым из них правил тиран. Однако, в отличие от греческих городов Европы, у них были контакты и обмены со своими негреческими азиатскими соседями, такими как карийцы и лидийцы, и они были первыми греками, которые чеканили монеты, следуя примеру лидийских царей. Отношения с последними, однако, были далеки от мирных. В первой половине VI века лидийское царство систематически нападало на ионийские города и требовало дань (Геродот. 1.5-6; 1.26-7).

Иония под властью персов: хронологические рамки.

В 546 до Р. Х. Кир подчинил Ионию персидскому владычеству, как и прочие части Анатолии. Несколькими годами ранее он начал основывать свою империю – так называемую империю Ахеменидов. Возглавив восстание персов против мидян, он двинулся на запад и успешно противостоял

лидийскому царю Крезу. Затем он поручил своему полководцу Гарпагу подчинить ионийские города. Для ионийцев это завоевание положило начало первому 70-летнему периоду персидского владычества (546-478).

Иония, однако, избежала персидского контроля в течение двух неравных периодов. Во-первых, во время так называемого Ионического восстания (499-494) через полвека после завоевания. В то время многие греческие прибрежные города от Геллеспонта до Кипра восстали – как против своих местных тиранов, так и против персидского царя, который их поддерживал, даже увлекая за собой негреческих соседей, таких как карийцы. Отправной точкой и средоточием восстания была Иония, особенно Милет. Ранее это был самый выдающийся город, гораздо более влиятельный и активный, как интеллектуально, так и экономически, чем европейские города того времени, включая Афины и Спарту. После того, как персидская армия восстановила контроль, Милет был жестоко наказан и ослаблен. Согласно Геродоту (6.18-20), мужчины были убиты или депортированы, женщины и дети обращены в рабство, храм и [адитон, где вещал] оракул Аполлона в Дидиме разграблены и подожжены (смотрите главу А. Славич «Иония в V веке до Р. Х.» в этом томе). Политика Персии по отношению к ионическим городам частично изменилась после этих событий, и великий царь Персии вскоре перестал поддерживать тиранов в городах. Этот тип политического режима оказался неэффективным в обеспечении его контроля. Более удачная политическая система рассматривалась как средство для сохранения мира и подчинения.

Вторая потеря контроля персами продолжалась гораздо дольше, и в течение этого второго периода персы не стремились быстро вернуть себе Ионию. В конце греко-персидских войн, которые противостояли персидскому царю и греческим городам в Европе, объединённый греческий флот прибыл на анатолийское побережье, чтобы поддержать тамошние греческие города и помочь им спастись от персидской власти. В течение примерно девяти десятилетий (478-386) ионические и другие греческие города Анатолии больше не находились под безусловным контролем персидского царя. Около

65 лет они были союзниками Афин в рамках того, что современные учёные называют Делийской лигой, и платили дань Афинам, чтобы финансировать общий флот. Афины были военной и политической державой, действующей в своих собственных интересах, и они без колебаний навязывали своё господство, когда это было необходимо. Пока Афины были достаточно сильны, персы не пытались восстановить свою власть над греческими городами Анатолии, а сами ионические города не восставали против Афин. Однако, с 412 года до Р. Х., когда Афины были ослаблены после ужасного поражения на Сицилии, ионийские города перешли на сторону персов, и персидский царь снова начал претендовать на контроль над ними. После бурного и запутанного периода (смотрите статью Е. Дрисколл «Иония в поздний классический период» в этом томе) он полностью восстановил этот контроль в 386 году, заключив Царский мир (или Антаклидский мир), общее мирное соглашение с греческими городами Европы, которые были обязаны официально признать господство персов над греческими городами (Ксеноф. Елл. 5.1.31). С тех пор, в течение полувека, это господство оставалось неизменным, вплоть до македонского вторжения Александра в 334 году до Р. Х.

Таким образом, персидское владычество в Ионии было прекращено: сначала оно просуществовало около 60 лет, было ликвидировано на 70-90 лет и восстановлено более чем на 50 лет. Тем не менее, даже когда Ионийские и другие греческие города Азии вышли из-под контроля персов, остальная часть Анатолии осталась в империи Ахеменидов, и контакты между соседями не были полностью прерваны.

Обязанности ионийцев как подвластного народа.

Первыми конкретными последствиями персидского господства над ионийцами были обязательства, которые царь возложил на всех подданных своей империи. Сначала они должны были регулярно платить ему дань, но также имели и другие обязанности, такие как выплачивание материальных поборов (от продуктов земли, домашнего скота и ремёсел), выполнение

трудовых обязанностей (содержание дорог и предоставление воинов для персидской армии). Как мореплаватели, ионийцы также должны были при необходимости предоставлять экипажи для царского флота, как это делали финикийцы и египтяне. Дань имела большое экономическое значение. Она являлась наиболее регулярной и неотвратимой обязанностью. Однако, кроме этого она имела и глубокое символическое значение. Сам царь упоминал об этом в своих официальных документах как о доказательстве покорности своего народа (*ДПе* §2, Курт 2007: 486: «они боялись меня и приносили мне дань» (Древнеперсидский *баджи*)»), в то время как греки явно рассматривали это как символ политического порабощения (Эсхил, *Персы*, 586; Геродот, 1,6).

Это были основные обязательства, но персидская власть также могла накладывать ограничения на внутриполитическую жизнь городов, и, в частности, на их политический режим. Так было, по крайней мере, в первые десятилетия после Персидского завоевания Ионии. Тогда Великий царь поддерживал тиранов, стоявших во главе городов, даже когда эта форма власти устаревала в других частях греческого мира (Геродот, 4.137). Это была одна из причин Ионийского восстания, которое доказало стремление к демократии в городах, поскольку ионические города отвергли как своих тиранов, так и персидское владычество. Однако, после подавления восстания персидский полководец Мардоний прибыл в Ионию в 492 году, сверг всех тиранов и установил в городах «демократию» (Геродот, 6.43.3). Другими словами, поскольку тираны не гарантировали подчинения своих городов, персы осознали последствия [такого управления] и были готовы принять любую политическую систему – лишь бы города признавали их власть. Когда ионийцы после греко-персидских войн вышли из-под их контроля и объединились с Афинами в так называемую Делийскую лигу, города сначала делились на олигархические и демократические, а затем почти все стали демократическими. В IV веке, при втором Персидском владычестве, по-видимому [одновременно] существовало множество режимов (демократия, олигархия и даже тирания). Когда Александр Македонский вторгся в

Персидскую империю и пришёл в Ионию в 334 году, он установил демократию в таких городах, как Ефес. Олигархия, поддерживаемая персами, была создана там в неопределённое время, возможно, незадолго до вторжения – в ответ на промакедонское движение (App. *Ан*.1.17-18). В свою очередь, Александр был иностранным царём, который установил демократию, чтобы обеспечить добрую волю городов, воспользовавшись недавней политикой персов, которую мы не знаем достаточно хорошо.

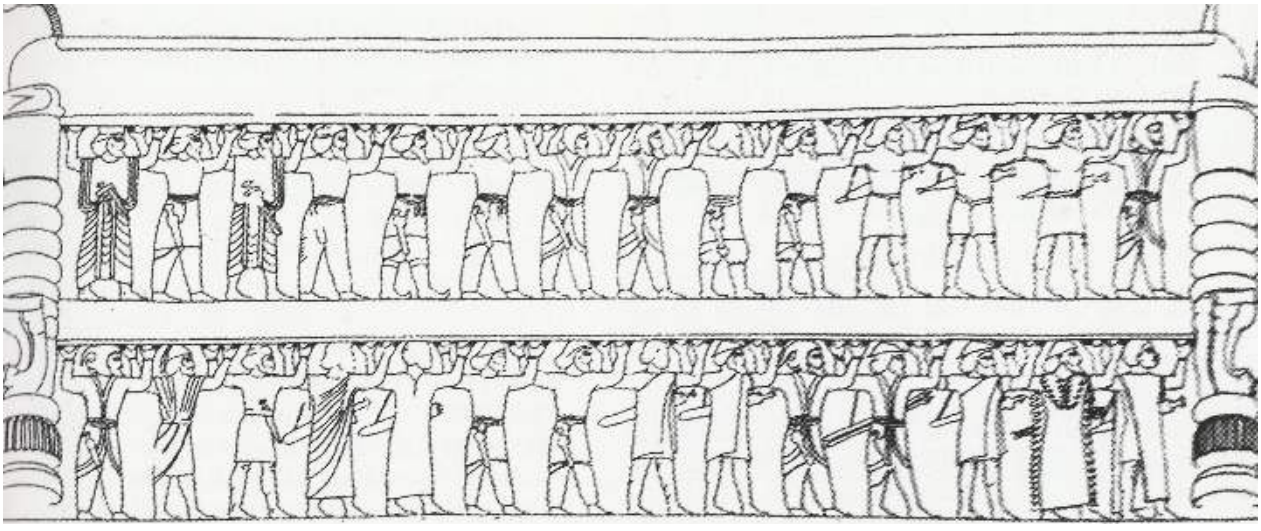
В итоге, в определённом смысле персы управляли взаимоотношениями между городами. После Ионийского восстания персы потребовали внешнего арбитража в случае пограничного спора (Геродот 6.42). Надпись начала IV века (около 392 года до Р. Х.) свидетельствует об использовании арбитража между двумя ионическими городами (Миле́том и Миу́сом), которые позвали царя и сатрапа – его персидского губернатора – для разрешения спора о границах (Родес и Осборн, 2003, n˚ 16). Это означало, что ещё до заключения Царского мира в 368 г. до Р. Х. персы приняли меры контроля, вероятно, направленные исключить нарушения при выплате дани.

Интеграция Ионии в Персидскую империю.

После поражения в Ионии персы продолжили свои завоевания и через несколько лет стали правителями огромной империи, простиравшейся от Эгейского моря до реки Инд, и от Кавказа до Персидского залива и Нубии. Множество различных народов были объединены под властью единственного царя. Царские надписания и изображения царских дворцов и гробниц свидетельствуют о том, что царская идеология представляет [персидского] царя как стоящего над всеми своими народами. В древнеперсидских надписях *Яуна* – это один народ из 23 до 31 городов, в зависимости от списка (Лекок 1997, 132-134). Как следует из пагонимики, это слово соответствует греческому «ионийцы», очевидно, понимаемому здесь в более широком смысле «греки», поскольку оно определённо включает эолийское побережье (иногда в него могут даже входить некоторые из их ближайших соседей: Санкизи-Верденбург 2001; Роллинджер и Хенкельман 2009). И всё же, будучи

лишь маленькой частичкой в огромном ансамбле, *Яуна* предстаёт в имперской иконографии как народ со своей собственной культурной идентичностью: со специфической одеждой, головными уборами, причёсками, физическими особенностями, оружием или подарками, – на общей картине, отображающей разнообразие частей империи (Ленфант 2021). В официальных списках подвластных народов (или земель) империи (напр. Курт 2007, 493), а также в их визуальном представлении в качестве делегатов царя – на рельефах Персеполиса (Рис. 1), или в качестве трононосцев на дверях дворца в Персеполисе, или на фасадах царских гробниц (Рис. 2) – Яуна является частью гармоничного целого.

Фасад гробницы Артаксеркса II или III в Персеполисе.

Помимо этого, идеологического представления, способствующего усилению власти царя, империя, чтобы обеспечить свою собственную сплочённость, создаёт несколько средств контроля, таких как войска и местные гарнизоны, имперскую администрацию, возглавляемую в регионах сатрапами и политику сотрудничества с местными элитами. Сердце империи связано с сатрапиями оригинальной системой коммуникаций, сетью имперских дорог с перевалочными пунктами, домами для отдыха и продуктовыми складами (Деборд 1999: 33-38; Курт 2007: 730-741; Хенкельман и Якобс 2021; карта – на рис. 3).

Дороги в империи Ахеменидов.

Одна из таких дорог – Царская дорога, описанная Геродотом (5.52-54) в середине V века, соединяла Сардис с Сузами. В начале IV века, когда персы начали восстанавливать Ионию, Ктесий свидетельствует о распространении этой системы на Ефес. В своей *Персике* он перечислил «станции, дни в пути и парасанги [персидские единицы измерения] от Ефеса до Бактрии и Индии (FGrHist 688 F 3, Ленфант 2004: 165). Такие дороги под контролем персов, безусловно, выполняли политические, административные и военные функции,

но они также использовались путешественниками и торговцами и, вероятно, давали ионийцам новые возможности для продажи товаров, о чём свидетельствуют, например, амфоры из прибрежных греческих городов, найденные в Гордионе, явно увеличившиеся в периоды персидского контроля в Ионии (Деборд 1999; Лоуолл 2010, 160-162).

В более общем плане ионийцы, находившиеся под властью персов, часто перемещались по империи, хотя и не всегда охотно. Некоторые, например, пришли в Египет с завоевательной армией Камбиза: среди них многие формировали контингенты, которые царь мог потребовать от подвластных ему народов (Геродот 2.1), но «некоторые прибыли для морской торговли (emporia), что было естественно, а некоторые – чтобы увидеть страну» (Геродот 3.139). Таможенный отчёт V века до нашей эры, сохранившийся в палимпсесте на слоновом арамейском папирусе, содержит сведения о налогах, взимаемых с судов с финикийскими и ионийскими капитанами, заходящих в Египет. Это показывает, насколько важными были взаимоотношения между Ионией и Египтом в период Ахеменидов (TADAE. III, C3.7; Брайант и Дескат 1998; Курт 2007: 681-703). Другие ионийцы подверглись депортации к Персидскому заливу, например, милетцы, оставшиеся в живых после подавления Ионического восстания (Геродот 6:20). Прочие были наняты каменщиками при строительстве царских резиденций в Пасаргадах, Сузах и Персеполе (Найландер 1970; Бордман 2000). В Сузской учредительной грамоте царь Дарий хвастается, что ионийцы со своими специальными навыками участвовали в строительстве его дворца: по его словам, они привезли кедровое дерево из Вавилона в Сузы, а «каменщики, обработавшие камень, были ионийцами и сардийцами» (*DSf* §9 and 12. Курт 2007: 492-5).

Рис. 4. *Сузская учредительная грамота.*

На табличках казначейства Персеполя начала V века упоминаются ионийские рабочие; в контексте предоставленного им пайка (напр. PT 15, Курт 2007: 801), вероятно, это были подневольные рабочие. Отдельные люди также могли надеяться на то, что их таланты будут оценены по достоинству и вознаграждены, как, например, фокейский скульптор Телефан, работавший на Дария и Ксеркса Плина (*HN* 34,68). Как и другие народы империи, ионийцы были вынуждены путешествовать более широко, чем раньше, в других областях помимо Средиземноморья. Интеграция в империю также открыла их интеллектуальный горизонт и заставила их открыть для себя другие регионы и народы. Это внесло свой вклад в развитие греческой географии и историографии, что нашло отражение в трудах Гекатея Милетского и Геродота.

Влияние персидской власти и культуры.

Правление ахеменидов в Ионии означало приход персов в регион, что вызвало некоторые политические, культурные и социальные изменения.

Сатрап как персидская власть в Ионии.

Великий царь имел свои главные резиденции в Вавилонии и на западе современного Ирана. В различных регионах его империи его власть осуществлялась сатрапами, членами персидской элиты, часто близкими родственниками царя, которые представляли его и выполняли его решения. Иония целиком зависела от сатрапа Лидии, обосновавшегося в Сардисе, бывшей столице Лидийского царства, расположенной примерно в 90 км. вглубь страны от побережья Эгейского моря. На древнеперсидском языке «сатрап» этимологически означал «защитник царства». Во-первых, он должен был общаться с царём, получая его приказы и передавая информацию посредством писем. Он должен был защищать границы своей сатрапии и реагировать на возможные вторжения, как это он делал, например, против нападений спартанца Агесилая в начале IV века, и у него были достаточные для этого войска. Он также был первым, кто официально принимал иностранных послов, которым приходилось пересекать его сатрапию, чтобы

попасть ко двору, и мог выдать им пропуск для пользования «царской дорогой». Но прежде всего он следил за тем, чтобы подданные, подобные ионийцам, выполняли свои обязательства. Он был тем, кто собирал налоги и дань, кто набирал воинские контингенты или экипажи флота по просьбе царя. Он также заставил ионийцев внести свой вклад в содержание дорог и флота (Деборд 1999; Якобс 2021 2021, 849-851). Помимо этих нефинансируемых функций, сатрап обеспечивал присутствие символов персидской культуры. Цель состояла не в том, чтобы распространить эту культуру или навязывать её, а скорее в том, чтобы показать персидскую мощь, чтобы внушить уважение.

Присутствие персидского народа и культуры в Ионии и прилегающих территориях.

В течение многих лет после завоевания персы приходили и селились в Ионии и её окрестностях. Свидетельством их присутствия в Малой Азии впервые являются иранские антропонимы, засвидетельствованные там во времена Римской империи (Брайант 2002: 954; Деборд 1999: 193), и это также доподлинно [известно] в таком ионическом городе, как Ефес (Боузид-Адлер 2015). Греческая литература свидетельствует о трёх способах присутствия персов в регионе более прямо. Это были первые сатрапы, которые жили в своей официальной резиденции Даскилейоне или Сардисе, со своей семьёй, личной гвардией, административным персоналом и гарнизоном, а также другие персы, функции которых нам неизвестны. Были также персы, которые жили в укреплённых загородных поместьях, где у них располагалась кавалерия, которую они могли мобилизовать в случае необходимости (Ксеноф. *Hell.* 3.4.10, Ксеноф. *Cyr.* 8.6.10, Ксеноф. *An.* 7.8.9-22). Они общались друг с другом и имели взаимосвязь с резиденцией сатрапа, поскольку часто бывали при дворе сатрапа и ходили с ним на охоту (Ксеноф. *Cyr.* 8.6.10). Персы постоянно оставались в этих двух типах мест на протяжении всего ахеменидского периода, даже когда Иония избежала имперского правления во времена Делийской лиги. Хотя они, как правило, жили внутри страны, в то

время как греки – на побережье, они оставались близкими соседями. Наконец, персы часто присутствовали в греческих городах. Когда они находились под властью персов, им иногда приходилось размещать персидский гарнизон. Помимо военных нужд, здесь были персы, которые проходили через город по коммерческим или религиозным соображениям. К концу VI века Ефес, как и Сарды, был одним из рынков, где грек-панионец находил покупателей-варваров, готовых купить его евнухов (Геродот, 8.105). В то время город находился под властью персов. Более двусмысленным является случай с сатрапом Тиссаферном, который пришёл в ефесское святилище зимой 411/410 года после того, как город отошёл от Афин в 412 году, и принёс жертву Артемиде (Th. 8.109). Возможно, это было частное богослужение, но нельзя исключать и политический мотив. В 409 году Тиссаферн собрал армию, чтобы противостоять угрозе нападения афинян на Ефес, используя в качестве предлога необходимость доставить помощь Артемиде в её здешний храм (Ксеноф. *Hell.* 1.2.6). Среди персидских жителей этого региона сатрапы находятся в центре внимания греческих источников. Будучи далеки от того, чтобы оставаться в своих резиденциях, они передвигались по региону не только с военными или дипломатическими целями, но и для инспекции своей территории, как это делал Фарнабаз, когда навещал своих подчинённых. (Ксеноф. *Hell.* 3.1.12).

Во время путешествия сатрап знакомил повстречавшихся ему с культурными особенностями Персии. Например, он носил тиару, о чём свидетельствуют сатрапские монеты (Рис. 5),

Рис. 5. Серебряная тетрадрахма персидского сатрапа (Тиссафернеса?). Британский музей.

«одежду, которая стоила много золота», как Фарнабаз, когда он встретил Агесилая в 395 году. Когда ему приходилось сидеть, «его слуги расстилали под ним вышитые ковры» (Ксеноф. *Hell.* 4.1.30). Таким образом греки могли познакомиться с персидскими обычаями и роскошью, но резиденция сатрапа была ещё лучшим местом для этого, поскольку у сатрапов был дворец; они содержали двор, который в некотором роде имитировал царский дворец (Ксеноф. *Cyr.* 8.6.10). По крайней мере, те, кто получал землю, были вынуждены посещать [сатрапский] дворец; их приглашали обедать за столом сатрапа. [Затем они] отправлялись с ним на охоту в его большие, приятные и красивые парки – знаменитые парадизы, полные диких животных, рыб и птиц, освежающих водоёмов и роскошных убежищ, что является персидской особенностью (Pl. *Alc.* 24.7, Ксеноф. *Hell.* 4.1.15-16). Греки иногда могли быть приняты на аудиенции сатрапа, словно на царской. По крайней мере, иногда было трудно получить [к нему] доступ (Pl. *Lys.* 6), и сатрап восседал на троне из драгоценного металла (Ксеноф. *Hell.* 1.5.3), что давало представление о роскоши и могуществе персов.

Социальные отношения между греками и персами.

Социальные отношения между отдельными греческими людьми и персидскими сатрапами, естественно, были несбалансированными. Греческие ремесленники и художники работали на сатрапов в их резиденциях (Брайант 2002: 502-503), а при дворе сатрапа были греческие беженцы, которые могли оказывать технические услуги. За пределами резиденции сатрапа, в пределах региона, которым он управлял, [представители] местной греческой династии также могли быть гипархами, т. е. собирать для него налоги и подчинять ему города, а также быть вознаграждёнными признанием их местной власти. Мы знаем отдельный случай о Зенисе и Мании [Зенис – дарданский субсатрап, занимавший положение тирана и Мания (440-399 гг. до н. э.) – его жена] из Дарда́носа [античный город Троады, в одной миле от места пролива Дарданелл], которые служили Фарнабазу в Эолиде (Ксеноф. *Hell.* 3.1.10-26), но в Малой Азии было много гипархов, которые были интегрированы в

персидскую социально-политическую систему и в равной степени могли быть как греками, так и персами или анатолийцами (Деборд 1999, 192). Примечательно, что греки среди них переняли персидские обычаи, о чём свидетельствует случай с Фемистоклом, который носил персидскую одежду (*Ath.* 1.29f), или Мании, которая использовала *хармамаксу*, типичную персидскую крытую повозку. Они без колебаний приняли эти престижные знаки власти и продемонстрировали свою преданность персидской власти.

Дружба и гостеприимство также засвидетельствованы между представителями греческой и персидской элиты, и не только с сатрапом. Некоторые персидские обычаи стали знакомы грекам, которые иногда перенимали их как средство выражения социального различия, а также как «ревностного сотрудничества» с персидской властью (Миллер, 2011; 2013). Скудные литературные свидетельства иногда дополняются археологическими данными, а выдающееся исследование Маргарет Миллер показывает, что держать чашу для питья на симпозиуме тремя кончиками пальцев, а не греческим боковым способом или на ладони «может служить для обозначения принадлежности к доминирующему персидскому этноклассу» (Миллер 2011: 98). Точно так же для представителей местной элиты имело смысл носить персидскую одежду (Миллер 2013).

Расположенный в самом сердце Ионии Ефес является ярким примером культурного взаимодействия. Святилище Артемиды, по-видимому, пользовалось особым уважением у персов. Греки даже называли его стража (неóкорос) персидским именем *Мегабиксос* (Ксеноф. *An.* 5.3.6; *IPriene* 16 and 150), производным от персидского *Багабуксша* – антропоморфного, с соответствующим значением «тот, кто служит богу», что, очевидно, стало религиозным титулом. Это, по крайней мере, наводит на мысль о некотором персидском влиянии. Некоторые греческие авторы заходят так далеко, что выражают сожаление по поводу «варваризации» образа жизни ефесян к концу 5 века (Plu. *Lys*. 3.2). Тот факт, что ефесяне предложили Алкивиаду [Алкивиад (450-404 гг. до н. э.) – древнегреческий государственный деятель, оратор и

полководец времён Пелопонесской войны, гражданин Афин] красиво украшенный персидский шатёр (Ath. 12.534d; Plu. Alc. 12.1), и намёк Демокрита на богатые персидские одежды Ефеса, *каласириса* и *актайи* (*Ath.* 12.525c-e), усиливают впечатление, что существовали, по крайней мере, прочные контакты с персами, и члены местной элиты иногда перенимали персидские модели. Археологические открытия подтверждают то же самое: в храме Артемиды подношения включают типичные персидские предметы, такие как стеклянные сосуды и уздечки из слоновой кости. Фрагменты фриза даже предполагают, что мужчина в персидских туфлях и придворном костюме был изображён участвующим в процессии, в которой участвовали мужчины в греческой одежде (Миллер 2013: 18-9 и 29-30).

Ефес, по общему признанию, был уникальным городом со своим святилищем и портом, но это не единственное место в Ионии, где происходило культурное взаимодействие. Изображения клазоменских саркофагов показывают, как клазоменские греки отождествляли себя с победившими их персами – с их одеждой с рукавами и брюками (Миллер 2013: 27-9). Другим примером является город Колофон (Ленфант 2009, 56-61), где персы имели своих сторонников в 430 году, когда город был охвачен внутренними междуусобицами (Th, 3.34.1). Греческие авторы регулярно критиковали богатых колофонцев за их чрезмерную роскошь и пурпурные одежды (напр. Ath. *Deipnosothistae* 12.526a-c). Этот город может быть родиной Динона, который создал Персику – особый жанр греческих произведений о Персии, все авторы которых родом из городов Эгейского побережья (Ленфант 2007). Вероятно, не случайно, что такое название родилось именно в этой зоне контакта [с персами].

Поддержка и распространение греческой культуры.

Ахеменидская империя имела двойственный характер. С одной стороны, это был сильный политический и административный союз: приказы исходили от Великого царя, в то время как богатство переходило к нему, и административная практика была одинаковой в разных регионах. С другой

стороны, она оставляла каждому народу свои собственные культурные особенности. Как уже было замечено, официальные изображения империи демонстрировали это этническое разнообразие как предмет гордости – для доказательства масштабов царской власти. Реальность соответствовала этому представлению, и это относилось к Ионии.

Ионийцы под персидским владычеством сохранили свои привычки, язык, религию, образ жизни и гражданские институты. Они продолжали говорить и писать по-гречески даже в своих публичных надписях. Персидская империя никогда не пыталась навязать персидский язык при дворе, а арамейский использовался только её администрацией. Точно также, как и в остальной части империи, у ахеменидов, которые были маздеистами [Маздаизм, или маздеизм – древнеиранская религия, предшествующая зороастризму] (Келленс 2021. Cf. de Jong 2021; Хаттер 2021), не обращали в свою веру и обычно не причиняли вреда греческим святилищам. Когда места отправления культа разрушались, это происходило не в силу религиозной политики, а как форма политического наказания, как после Ионийского восстания. Помимо таких обстоятельств, ионийцы вполне могли продолжать свои религиозные обряды и в целом жить по-гречески. Их гражданские институты можно было сохранять и даже развивать. После падения тиранов в каждом городе [Ионии] были магистраты и совет, или даже ассамблея, которые издавали декреты. Она пользовалась автономией, а также могла продолжать чеканить гражданские монеты (Рис. 6).

Ефес, серебряная монета, 15.29 грамм. (Национальная библиотека Франции, Делепьер 2598)

Хотя персидский царь и сатрапы начали чеканить монеты в западной части империи, они делали это нерегулярно, просто для удовлетворения конкретных потребностей. В отличие от Афин в Делийской Лиге, они не пытались навязать свою валюту для изгнания других, даже для уплаты дани (Ле Ридер 2001, ch. IV-V). Ионийские города, такие как Ефес, Милет, Фокея, Клазомены, Эритрея или Колофон чеканили монеты (Текин 2017, 122-9), и это было в 4 веке до н. э., когда они вернулись под власть персов, чеканка которых особенно возросла (Деборд 1999). Эта свобода, предоставленная городам, была тем более важна, что чеканка монет была одновременно и финансовым ресурсом, и подтверждением идентичности (Ле Ридер 2001, 177 и 255-6). Наконец, за пределами городского уровня Ионийская лига, которая первоначально объединяла 12 ионийских городов для религиозных целей, продолжала существовать под персидским владычеством (Геродот 5.104-109; 6.7; Диодор 15.49.1. See Lefèvre 2019). Другими словами, в продолжение ахеменидского периода, ионийцы сохранили и развили свои культурные способности, как и другие народы империи, но что необычно в их случае, так это то, что греческая культура распространилась по окрестностям. Греческий язык всё чаще использовался: например, в 5 веке до н. э его использовал лидийский историк Ксантос, но в 4 веке до н. э. он также стал официальным языком в Карии при династиях Мавсола и Пиксодара, а также использовался как *франкский язык* в ликийском трёхъязычном указе из Летоона Ксантосского наряду с арамейской

Схема древнего Летоона, города-спутника Ксантоса.

(имперской) версией и ликийской (местной) версией (Рис. 7. Марек 2013; Марек 2016: 153).

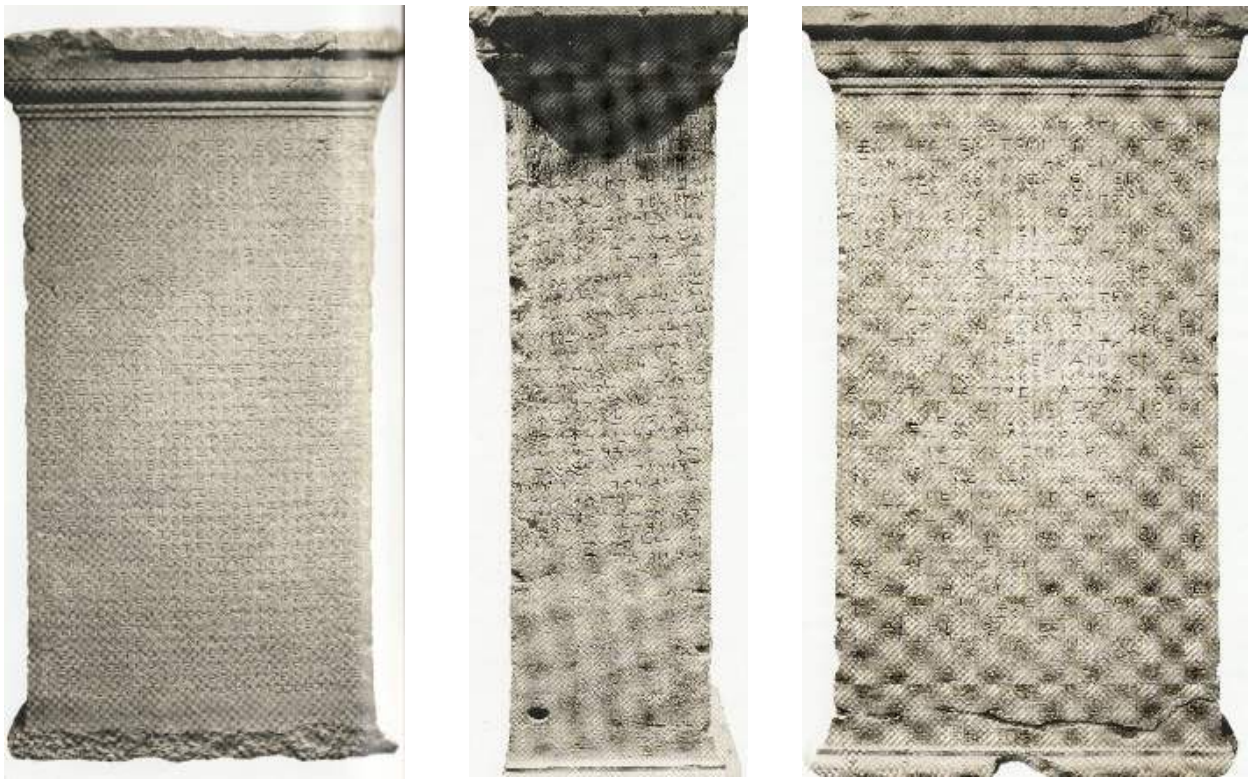

Рис. 7. Ликийский трёхъязычный указ из Летоона Ксантосского.

Точно так же карийские династии начали чеканить монеты, которые не были похожими на сатрапские, а скорее соответствовали ионийским стандартам (Текин 2017, 113-4). Наконец, они переняли модель [устройства] города и гражданских институтов, издавая указы по греческому образцу. Другими словами, эллинизация Анатолии прогрессировала под персидским владычеством до прихода Александра [Македонского].

Наконец, для ионийцев официальное признание их культурной самобытности, вероятно, было уступкой, которая способствовало их политическому подчинению, но, возможно, для царя это был обоюдоострый меч, поскольку это могло способствовать сепаратистским движениям, таким как Ионийское восстание, присоединение к Делийской лиге, обращение к

Спарте 400 года или переход на сторону Александра, который утверждал, что борется за их свободу.

KAYNAKLAR REFERENCES

Boardman, J. (2000). *Persia and the West*. London: Thames & Hudson.

Bouzid-Adler, F. (2015). 'La 'barbarisation' d'Éphèse vue à travers le prisme de l'anthroponymie.' *Bulletin de l'Académie Belge pour l'Etude des Langues Anciennes et Orientales* 4, 111-133.

Briant, P. (2002). *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.

Briant P. – Descat R. (1998). 'Un registre douanier de la satrapie d'Égypte à l'époque achéménide (*TAD* C 3,7).' In Grimal, N., Menu, B. (Eds.) *Le commerce en Égypte ancienne*. IFAO, Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 59-104.

Debord, P. (1999). *L'Asie Mineure au IVe siècle. 412-323 a.C.*: pouvoirs et enjeux politiques. Bordeaux, Ausonius : Diff. De Boccard.

Henkelman, W., Jacobs, B. (2021). 'Roads and Communication.' In Jacobs, B., Rollinger, R. (Eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken: Wiley & Blackwell, 719-735.

Hutter, M. (2021). 'Religions in the Empire.' In Jacobs, B., Rollinger, R. (Eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken: Wiley & Blackwell, 1285-1302.

Jacobs, B. (2021). 'Satrapal administration.' In Jacobs, B., Rollinger, R. (Eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken: Wiley & Blackwell, 835-857.

de Jong, A. (2021). 'The Religion of the Achaemenid Rulers.' In Jacobs, B., Rollinger, R. (Eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken: Wiley & Blackwell, 1199-1209.

Kellens, J. (2021). 'The Achaemenids and the Avesta.' In Jacobs, B., Rollinger, R. (Eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken: Wiley & Blackwell, 1211-1220.

Kuhrt, A. (2007). *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. London, New York: Routledge.

Lawall, M. L. (2010). 'Pontic, Aegean and Levantine amphorae at Gordion.' *Patabs I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27-29 avril 2006*. İstanbul, Paris: Institut français d'études anatoliennes-Georges-Dumézil. De Boccard, 159-165.

Lecoq, P. (1997). *Les inscriptions de la Perse achéménide*. Paris: Gallimard.

Lefèvre, F. (2019). 'Observations sur l'histoire et les institutions du *koinon* des Ioniens.' *Journal des Savants*, 353-394.

Lenfant, D. (2004). *Ctésias de Cnide. La Perse. L'Inde. Autres fragments*. Paris: Les Belles lettres.

Lenfant, D. (2007). 'Greek Historians of Persia.' In Marincola, J. (Eds.) *A Companion to Greek and Roman Historiography, vol. 1*. Oxford: Blackwell, 200-209.

Lenfant, D. (2009). *Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide* (Persika 13). Paris: De Boccard.

Lenfant, D. (2021). 'Le Roi et les Grecs face à la diversité ethnique de l'empire perse: l'idéologie royale achéménide et ses retombées culturelles.' In Lignereux, Y., Messaoudi, A., Peters-Custot, A., Wilgaux, J. (Eds.) *Ethno-géopolitique des empires. De l'Antiquité au monde contemporain*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 19-36.

Le Rider, G. (2001). *La naissance de la monnaie. Pratiques monétaires de l'Orient ancien*. Paris: Presses universitaires de France.

Marek, C. (2013). 'Political Institutions and the Lycian and Carian Language in the Process of Hellenization between the Achaemenids and the Early Diadochs.' In Stavrianopoulou, E. (Ed.) *Shifting Social Imaginaries in the Hellenistic Period. Narrations, Practices, and Images*. Leiden-Boston: Brill, 233-251.

Marek, C. (2016). *In the Land of a Thousand Gods: A History of Asia Minor in the Ancient World*. Princeton: Princeton University Press.

Miller, M. (2011). '"Manners Makyth Man": Diacritical Drinking in Achaemenid Anatolia.' In Gruen, E. (Ed.) *Cultural Identity in the Ancient Mediterranean*. Los Angeles: Getty Research Institute, 97-134.

Miller, M. (2013). 'Clothes and Identity: The Case of Greeks in Ionia c. 400 BC.' *Antichthon*, 47, 18-38.

Nylander, C. (1970). *Ionians at Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.

Rhodes P.J., Osborne, R. (2003). *Greek Historical Inscriptions 404-323 BC*. Oxford: Oxford University Press.

Rollinger, R., Henkelman, W. (2009). 'New observations on "Greeks" in the Achaemenid empire according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis.' In Briant, P., Chauveau, M. (Eds.) *Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide* (Persika 14). Paris: De Boccard, 331-51.

Sancisi-Weerdenburg, H. (2001). '*Yaunā* by the Sea and across the Sea.' In Malkin, I. (Ed.) *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Cambridge (US), London: Harvard University Press, 323-346.

Tekin, O. (2017),. 'Pers Dönemi'nde Anadolu'da Para ve Ticaret/Money and Trade During the Persian Period in Anatolia.' In Iren, K., Karaöz, Ç., Kasar, Ö. (Eds.) *Persler. Anadolu'da Kudret ve Görkem/The Persians. Power and Glory in Anatolia*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 102-133.